

На правах рукописи

Полякова Анна Александровна

**Опыты реконструкции творческих замыслов
А. А. Бестужева-Марлинского 1820–1830-х гг.**

Специальность 10.01.01. Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2021

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук», профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Виролайнен Мария Наумовна

официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ляпина Лариса Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации ФГБОУ «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», приглашенный преподаватель ФГАО ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» (филиал в г. Нижний Новгород)

Гуменная Галина Львовна

Ведущая организация: ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук»

Защита диссертации состоится « » 2021 г. в часов на заседании Диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН по адресу: 199034. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан « » 2021 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук С. А. Семячко.

Общая характеристика работы

Видный писатель и критик 1820–1830-х гг., один из самых талантливых прозаиков в среде декабристов, А. А. Бестужев-Марлинский всегда был в поле зрения литературоведения. Тематический охват исследований, посвященных его творчеству, достаточно широк и разнообразен. Так, уже в начале XX в. появилась работа И. И. Замотина, который описал европейские истоки прозы Бестужева. Проблемы мировоззрения писателя и связи его творчества с критикой и философскими течениями того времени рассматривались в трудах В. Г. Базанова, Н. И. Мордовченко, А. П. Шарупича, Е. М. Пульхритудовой, Ф. З. Кануновой, А. В. Агалакова. Описание жизни и творчества Бестужева было предпринято в исследовании Н. А. Котляревского, а позднее – в ряде вступительных статей к разным изданиям сочинений писателя (Н. Л. Степанов, Н. Н. Маслин, А. В. И. Гусев, В. И. Кулешов). Можно выделить группу работ, обращенных к вопросам этнографизма в произведениях Бестужева-Марлинского, в частности, оценивающих влияние на его творчество поездок в Прибалтику (С. Г. Исаков) и жизни на Кавказе (М. П. Алексеев, А. В. Попов). В исследованиях Н. А. Коварского, В. В. Виноградова, Х. Д. Леэметс рассматривались формальные аспекты поэтики писателя. В ряде работ общего характера, посвященных прозе первой половины XIX века (Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович, В. Ю. Троицкий, В. М. Маркович, Ю. В. Манн, Е. А. Шрага) произведения Бестужева-Марлинского анализировались в контексте литературной ситуации, сложившейся в эпоху русского романтизма. Проблемы литературной репутации и мифологизации личности Бестужева-Марлинского рассмотрены Л. Бегби и М. П. Алексеевым. Существует, кроме того, целый ряд работ, посвященных альманаху А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда». Как правило, в этих работах на первых план выходила эстетическая или идеологическая позиция издания (В. И. Маслов, В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович, П. О’Мара, А. Г. Готовцева, О. И. Киянская), но в

последнее время появляются исследования, в которых сочетаются литературоведческий, социологический и социо-культурный подходы (А. И. Рейтблат, А. Г. Готовцева, О. И. Киянская).

Несмотря на столь широкий круг тем, исследование жизни и творчества Бестужева-Марлинского в какой-то момент зашло, как кажется, в своеобразный тупик: остается практически неизменным и корпус привлекаемых для анализа текстов, и круг тем и проблем (истоки романтической повести и ее жанровая специфика, тип героя и конфликта в прозе писателя, особенности композиции и т.д.). Одна из причин подобного положения дел заключается в том, что в исследовательской практике с недостаточной степенью полноты учитывается важнейшая часть наследия писателя, а именно его письма. Те три десятка писем, которые перепечатываются в собраниях сочинений и поэтому наиболее известны, лишь в малой мере представляют эпистолярное наследие писателя, которое в реальности включает больше 450 единиц. Между тем ценность этого материала в изучении творчества Бестужева очевидна. Для литератора, большая часть творческой жизни которого прошла в ссылке, переписка в конечном счете стала единственным средством вырваться из культурной и литературной изоляции.

Представленная к защите работа выросла в результате изучения полного корпуса писем Бестужева – как опубликованных в разных изданиях, так и неопубликованных. Знакомство с этим материалом, ценное само по себе и открывающее далекие научные перспективы, позволило выделить круг проблем, внутренне связанных между собой. В качестве **объекта исследования** были избраны четыре творческих замысла Бестужева-Марлинского, относящихся к разным периодам его жизни: реализованный в 1821 г. замысел травелога («Поездка в Ревель»); предложенный Вяземским в 1823 г., но не принятый Бестужевым замысел «московских записок»; не состоявшийся замысел авторского альманаха, разрабатывавшийся Бестужевым в якутской ссылке в 1829 г.; незавершенный роман «Вадимов» (1833–1834).

Во всех случаях **предметом исследования** стала реконструкция этих замыслов, которая требовала обращения к тому биографическому, литературному и творческому контексту, который либо стимулировал замысел и определял его характер, либо препятствовал его осуществлению. Как значимый компонент в кругу других историко-литературных материалов рассматривалось эпистолярное наследие писателя.

Целью диссертационной работы стало изучение тех аспектов творчества писателя, которые либо вовсе обойдены вниманием исследователей, либо в недостаточной мере освещены в научной литературе. Таким образом, работа посвящена не магистральным произведениям Бестужева, а наименее изученным страницам его творческой биографии. Этим, а также обращением к архивным источникам, часть из которых впервые введена в научный оборот, определяются **новизна и актуальность** предпринятого исследования.

Обращение к каждому из замыслов диктовало постановку соответствующего ему ряда **задач**.

- 1) Для описания творческой истории «Поездки в Ревель», во-первых, необходимо было определить круг идей и текстов, повлиявших на формирование и развитие замысла. Во-вторых, произведение Бестужева следовало рассмотреть в контексте жанровой традиции путешествий и ее модификаций. В-третьих, после того, как было обнаружено, что «Поездка в Ревель» имеет две редакции, потребовалось выявить побудительные мотивы переработки травелога и ее основные направления.
- 2) Замысел «московских записок», которые Вяземский советовал написать Бестужеву по следам его первой поездки в Москву, казалось бы, должен был привлечь автора «Поездки в Ревель». Тем более любопытно было понять причины, по которым Бестужев отказался от такой идеи. При решении этой задачи, с одной стороны, необходимо было учесть общий характер творческой эволюции Бестужева, а с другой стороны – выяснить степень соответствия предложенного

замысла той позиции, которую он занял как издатель «Полярной звезды».

- 3) Проект авторского альманаха, задуманного в якутской ссылке, несомненно был связан с издательским опытом Бестужева. Обращение к этому проекту и выяснение причин его неудачи требовали анализа подробно проработанной Бестужевым коммерческой стороны издания и степени ее соответствия реальному положению на книжном рынке в конце 1820-х гг. Кроме того, необходимо было предпринять попытку описания эстетических позиций Бестужева во второй половине 1820-х гг. – позиций, которые могли найти отражение в планировавшемся издании.
- 4) Описание творческой истории незавершенного романа «Вадимов» требовало работы в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо было вписать собственные представления Бестужева о природе исторического романа в самый широкий контекст, обратившись, с одной стороны, к историософским спорам конца 1820 – начала 1830-х гг., с другой – к полемике вокруг жанра исторических романов. Во-вторых, следовало соотнести размышления Бестужева о жанре романа с текстом «Вадимова», сопоставив теоретические декларации с художественной практикой. Наконец, требовалось сопоставить отрывки из «Вадимова» с рассказом «Он был убит», который, как предполагается, мог быть написан по «мотивам» несостоявшегося романа.

В основе работы лежат историко-литературный, источниковедческий, текстологический и поэтологический **методы анализа**.

Степень изученности проблемы. Как уже было сказано, диссертационное исследование обращено к наименее изученным произведениям и замыслам Бестужева, а также к проясняющим их творческую историю письмам, как опубликованным, так и неопубликованным¹.

¹ Оригиналы писем в основном хранятся в рукописных отделах Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы)), Пушкинского дома (РО ИРЛИ. Ф. 604

Определенная часть эпистолярного наследия писателя увидела свет уже в 1860–1900-е гг. в публикациях М. И. Семейского, К. А. Полевого, Н. К. Богушевского, П. И. Бартенева, С. О. Долгова, Н. П. Барсукова и др. Но в этот период тексты писем печатались с ошибками и купюрами, практически не сопровождалась комментариями. Вторая волна интереса к переписке Бестужева пришла на 1920–1990-е гг., когда появились публикации, подготовленные Н. В. Измайловым, В. Г. Прохоровым, М. К. Азадовским, К. П. Богаевской, Я. Л. Левкович и Ф. З. Кануновой. Тем не менее, к настоящему времени часть эпистолярного наследия писателя так и осталась неизданной; не существует ни полного собрания писем, ни хотя бы их указателя. В 1930–1940-е гг. над подготовкой такого полного собрания писем Бестужева работал Г. В. Прохоров. К сожалению, этот труд ученого так и не увидел свет; машинопись неопубликованного издания сохранилась в отделе рукописей Российской национальной библиотеки².

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) на протяжении всей своей недолгой творческой жизни Бестужев непрерывно искал себя и свой собственный путь, но если до 1825 г. это был скорее путь беллетриста, то в ссылке, продолжая создавать коммерчески успешные тексты, которые и обеспечили ему феноменальную славу, он начал работать над образцами элитарной литературы, доступной лишь кругу избранных просвещенных читателей;
- 2) несмотря на то, что за Бестужевым закрепилась репутация остроумного, но язвительного критика, с 1823 г. публичные оценки писателя становятся намного сдержаннее частных, что можно объяснять его заботой о собственной репутации как издателя «Полярной звезды», необходимостью сохранить добрые отношения с действующими и потенциальными сотрудниками, а также заручиться читательскими симпатиями. В 1830-е гг., когда положение Бестужева – уже Марлинского – стало в меньшей степени

(Бестужевы)) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 71 (А. А. Бестужев)).

2 ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 32–47.

зависеть от расстановки сил на литературной арене, разрыв между частной и публичной оценкой, сократился, хотя и не исчез полностью.

- 3) вопреки сложившемуся в литературоведении мнению, «Полярная звезда» не только не была печатным органом Северного общества, но даже не имела выраженной программы – в том числе программы эстетической: на страницах альманаха публиковались тексты разного художественного достоинства, их авторы принадлежали к разным, иногда враждующим между собой литературным партиям. Изданием совсем другого рода должен был стать авторский альманах, задуманный Бестужевым в 1829 г. в Якутске, но так и не увидевший свет. Насколько можно судить по незавершенной статье «<О романтизме>», а также репликам Бестужева, разбросанным в письмах 1828–1829 гг., этот альманах должен был иметь четко выраженную эстетическую программу и знакомить читателя с образцами истинно романтической – с точки зрения Бестужева – литературы;
- 4) в своих художественных произведениях Бестужев пытался следовать «социальному заказу» времени, хотя часто этот запрос не был ему близок. На разных этапах творческого пути это противоречие разрешалось писателем по-разному. В начале своей писательской карьеры Бестужев, будучи членом Вольного общества любителей российской словесности (далее – ВОЛРС), пытался в рамках одного текста – травелога «Поездка в Ревель» – соединить программные требования «соревнователей» и собственные представления о жанре путешествия. Позднее писатель отказывается от подобного рода экспериментов. До 1825 г. Бестужев разводит жанры «ученого» очерка, образцы которого он продолжает писать для «Соревнователя просвещения и благотворения», и остросюжетной повести, отдавая очевидное предпочтение второй. В 1830-е гг. Бестужев, продолжая работать в разных жанрах, на первое место ставит уже роман, в котором, в отличие от создаваемых на продажу рассказов и повестей, находит возможность высказать важные для себя исторические и эстетические идеи.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и

обобщения, содержащиеся в диссертации, могут использоваться при подготовке научного издания полного корпуса писем Бестужева-Марлинского, при дальнейшем изучении его творчества и связанного с ним контекста эпохи, а также при разработке вузовских курсов, спецкурсов и учебных пособий по истории русской литературы первой трети XIX в.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах, прочитанных на международных конференциях:

- 1) «Незавершенный роман А. А. Бестужева “Вадимов”: к проблеме реконструкции сюжета» (XVII Международная конференция студентов-филологов; СПбГУ, 2014);
- 2) «“Я бесился, читая в некоторых романах и журналах описание Бородинской ночи...”: роман А. А. Бестужева-Марлинского “Вадимов” и миф о войне 1812 года» (Международная конференция «Грехневские чтения – X: Литературное произведение в системе контекстов»; ННГУ, 2014);
- 3) «От были о Коцее к отрывкам из офицерского дневника: история замысла романа А. А. Бестужева-Марлинского “Вадимов”» (XI международная летняя школа по русской литературе «Русская литература: история, источниковедение, комментарий»; ИРЛИ РАН – Цвелодубово, 2015);
- 4) «“Вадимов” А. А. Бестужева-Марлинского и теория романа 20–30-х гг. XIX века» (Международная конференция молодых филологов; Тартуский университет, 2015);
- 5) «История двух редакций “Поездки в Ревель” А. А. Бестужева (Международная конференция молодых филологов; Тартуский университет, 2016);
- 6) «Об одном “московском” замысле: из комментария к письмам А. А. Бестужева и П. А. Вяземского» («Текст – комментарий – интерпретация»; НИУ ВШЭ, 2017);
- 7) «Финансовая история “якутского альманаха” А. А. Бестужева» (VII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и

- историко-литературный процесс»; МГУ, 2018);
- 8) «А. А. Бестужев – читатель Гете: к интерпретации стихотворения “Череп” (1829)» (VII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс»; МГУ, 2019).
- 9) «“...но там, где ссылаются на слово сестры, я пас”: из комментариев к письмам А. А. Бестужева 1830–1833-х гг.» (Международная конференция «Эйхенбаумовские чтения»; Дом-музей М. Ю. Лермонтова, 2019).

Структура работы. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка источников и научной литературы и Приложения. Общий объем работы составляет 213 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** охарактеризованы объект, предмет и методология диссертационного исследования, определены его цели и задачи, дана оценка изученности темы, обоснованы актуальность и научная новизна работы.

В **первой главе «Творческая история “Поездки в Ревель”»** реконструированы этапы работы над травелогом, который стал своеобразным связующим звеном между нефикциональными и фикциональными текстами Бестужева.

В **§1 («Жанровый и идейный контекст»)** описан значимый для «Поездки в Ревель» литературный фон. В исследовательской литературе (Т. А. Роболи, Н. А. Коварский, Н. И. Мордовченко) «Поездку в Ревель» принято связывать с традицией «сентиментальных» путешествий. Об этом говорят и особенности повествования, и прямые отсылки Бестужева к травелогам Л. Стерна, Ш. М. Дюпати, Н. М. Карамзина. Но, как показано в настоящей работе, бестужевский травелог в большей мере тяготеет к традиции «ученых» этнографических путешествий и записок, разработанной в конце 1810-х – начале 1820-х гг. членами ВОЛРС и широко представленной на страницах

«Соревнователя просвещения и благотворения», а также в виде отдельных проектов, инициаторами и идеологами которых были А. А. Никитин и Ф. Н. Глинка. Главным требованием к «ученым» этнографическим путешествиям были «кабинетная» точность, историческая достоверность и польза для просвещения. Бестужев, бывший в начале 1820-х гг. активнейшим участником ВОЛРС, явно ориентировался на эту традицию. «Поездка в Ревель» насыщена многочисленными этнографическими и историческими деталями и подробностями.

§ 2. «Две редакции “Поездки в Ревель”»: импульсы к переработке произведения; итоги работы в жанре травелога. Несмотря на желание Бестужева соответствовать программным требованиям ВОЛРС, форма «ученого» путешествия и очерка заметно тяготила его – и «Поездка в Ревель» стала своеобразным компромиссом между этими требованиями и его собственными представлениями о жанре и прагматике травелога.

О том, что бестужевский травелог представляет собой более сложное жанровое единство, чем только «сентиментальное» или «ученое» путешествие, говорит структура «Поездки в Ревель». Травелог состоит из двух частей. Заглавие первой, совпадающее с названием всей книги, отсылает к описанной выше традиции «ученых путешествий». Однако эта часть содержит не только подробный экскурс в историю Ливонии и Ревеля, но и описания забавных происшествий и «романических приключений», по-стерниански перебивающиеся разговорами с читателями, стихами и пространными лирическими отступлениями. Вторая часть, «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля», отличается большей «интимностью» и меньшей «кабинетной точностью», а центральное место занимают рассуждения рассказчика о назначении критики и романтическая повесть о Гедеоне Бестужеве.

«Компромиссный» характер «Поездки в Ревель» подтверждается при обращении к его творческой истории. Травелог был напечатан дважды. Первая часть «Поездки» опубликована в февральском и мартовском номерах

«Соревнователя»; уже в апреле и мае того же года в журнале «Невский зритель» вышло продолжение – «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля». Осенью 1821 г. вышло отдельное издание травелога. Сопоставление журнального и книжного текстов показало, что они представляют собой две различные редакции произведения. Как явствует из писем Бестужева к Н. И. Гнедичу (который, возможно, принимал участие в подготовке текста для отдельного издания) и Ф. В. Булгарину, более поздняя редакция создавалась в несколько этапов и включает множественные стилистические и содержательные изменения. Стилистическая правка была направлена прежде всего на устранение излишней витиеватости слога: текст второй редакции очищен от характерных для Бестужева вычурных метафор, а фразы стали более логичными и лаконичными. Содержательные изменения осуществлялись в двух направлениях. Позднейшее включение дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, многочисленных уточнений, подробностей и деталей, часть из которых почерпнута из только что вышедшего 9-го тома «Истории государства российского», высоко оцененного Бестужевым, а так же введение «вольнлюбивой» линии³ соответствовало установкам ВОЛРС. Дополнения другого рода – пространные лирические отступления, забавные эпизоды и даже целая остросюжетная повесть о баснословном предке рассказчика – должны были сделать текст более занимательным. Эта последняя тенденция, говорящая о стремлении Бестужева отойти от канонов «ученого» путешествия, нашла свое выражение в написанных им вслед за «Поездкой в Ревель» «ливонских» повестях и других фикциональных текстах первой половины 1820-х гг. Так, если в рассказе «Листок из дневника гвардейского офицера» (1823), читавшемся на собрании ВОЛРС и позже опубликованном в «Соревнователе просвещения и благотворения» еще заметно влияние программных требований общества, то в текстах, предназначенных для публикации в других изданиях, например, в

³Например, упоминание «Юрьевой ночи» 1243 г. или осады Ревеля войсками Ивана Грозного в 1571 и 1577 гг.

«Библиотеке для чтения, составленной из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности» («Замок Венден», «Еще листок из дневника гвардейского офицера») от жанра «ученого» путешествия остается одна лишь формальная композиционная рамка, а история становится материалом для «романических забав».

Вторая глава «Неосуществленный замысел “московских записок”» посвящена истории проекта, предложенного Бестужеву П. А. Вяземским в 1823 г., после первой поездки издателя «Полярной звезды» в Москву.

В §1 «Первая московская поездка Бестужева и его отношения с московскими литераторами в 1823–1825 гг.» описана сама поездка 1823 г. Обычно первый приезд Бестужева в Москву упоминается в связи с чрезвычайной широтой его исторических и естественнонаучных интересов (Н. В. Измайлов) или же – гораздо менее доказательно – в контексте политическом, связанном с делами тайного общества (Н. Л. Степанов). В настоящей работе показано, что эта московская поездка была важна для Бестужева и как для издателя альманаха, который хотел не только укрепить уже налаженные деловые контакты, но и привлечь к сотрудничеству в «Полярной звезде» новых участников. Судя по содержанию «Полярной звезды» на 1824 и 1825 гг., в этом смысле поездка себя оправдала – на страницах альманаха появились произведения И. И. Дмитриева, М. А. Дмитриева, В. Л. Пушкина, С. Д. Нечаева, С. Е. Раича. Но особое значение имело личное знакомство Бестужева с Вяземским, ставшим одним из его главных корреспондентов в 1823–1825 гг.

§ 2. «“План” П. А. Вяземского; причины отказа от его осуществления». В переписке за март–апрель 1823 г. обсуждался предложенный Вяземским Бестужеву подробный план травелога. По мысли Вяземского, эти «записки» должны были совмещать личные впечатления столичного литератора от поездки и новых знакомств с историческими экскурсами, очерком о современном состоянии Москвы и России, описанием роли московских писателей в становлении русской словесности. Тематически и

композиционно план Вяземского отсылал к «Записке о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина, к собственному стихотворению Вяземского «Петербург» и к тревелогу Бестужева «Поездка в Ревель».

В параграфе рассмотрены возможные причины, по которым этот замысел не нашел отклика у Бестужева. Одна из них заключалась в том, что после «Поездки в Ревель» писатель, как уже было сказано, потерял интерес к историографическим описаниям; постепенно уходя от жанра «ученого путешествия» и «ученого очерка», он сосредоточился на написании беллетристических «ливонских» повестей, для которых история становилась лишь декорациями, иногда весьма условными. Как можно судить по письмам к Вяземскому, этот отказ от «кабинетной» точности может объясняться не только равнодушием писателя к историческим описаниям, но и вероятным отсутствием читательского интереса к ним.

Другая причина была связана с позицией Бестужева-издателя. По замыслу Вяземского, записки должны были в сатирическом ключе описывать обычаи и нравы москвичей, погрязших в праздности, рассеянности, «глупой роскоши» и «нелепом бригадирстве». Между тем с начала выхода «Полярной звезды» Бестужев сознательно создавал себе репутацию любезного столичного издателя, дорожащего каждым знакомством и стоящего в стороне от борьбы литературных партий; важно было сохранить симпатии читателей.

В пользу этого предположения говорят открывающие каждую книгу «Полярной звезды» программные «Взгляды», точнее – их тон, резко отличающийся от более ранних критических выступлений Бестужева. В литературных обзорах он не случайно давал благожелательные отзывы едва ли не обо всех авторах, что вызывало недоумение некоторых читателей. Подобное недоумение вызывали и публикующиеся в альманахе тексты. Личная переписка Бестужева показывает, что его реальные оценки и симпатии часто не соответствовали публичным отзывам. Как было отмечено А. Г. Готовцевой, альманах не имел четко выраженной программы – и на страницах «Полярной

звезды» публиковались тексты авторов разного уровня и разных эстетических воззрений.

В третьей главе «Замысел “якутского” альманаха (1829) и творческие поиски А. А. Бестужева 1827–1829 гг.» реконструирован замысел издания, возникший в якутской ссылке.

§ 1 .«Финансовая история “якутского” альманаха (1829)». Из переписки с матерью и сестрой Еленой выясняется, что в начале 1829 г. Бестужев задумал издать авторский альманах, построенный, однако, по образцу «Полярной звезды»: книга должна была состоять из прозаического и стихотворного разделов и открываться разбором современной литературы. Альманах так и не увидел свет; что же касается текстов, которые Бестужев планировал включить в это издание, то известен только небольшой отрывок «<О романтизме>», который, по всей видимости, представляет собой теоретическую преамбулу недописанного – или же не сохранившегося – обзора.

Причины, по которым писатель, находясь за тысячи километров от литературного мира, решился на этот амбициозный проект, очевидны: Бестужева тяготили нехватка средств и участвовавшие случаи контрафакции его произведений. Несмотря на то, что коммерческая сторона издания была продумана им с особой тщательностью, в контексте книгоиздательской практики второй половины 1820-х гг. проект оказался неудачным. Памятуя об успехе «Полярной звезды», выходявшей в лучшие времена тиражом полторы тысячи экземпляров, Бестужев задумал поднять тираж своего авторского альманаха до двух тысяч. Надеяться на коммерческий успех подобного издания было весьма опрометчиво, поскольку к началу 1829 г. «альманашный» рынок был заполнен, а ведущие позиции прочно заняты «Северными цветами». Из писем Бестужева следует, что в какой-то момент он решил отказаться от услуг профессионального комиссионера и возложить все заботы по подготовке издания и его реализации на сестру Елену – человека неопытного и плохо осведомленного в тонкостях книгопродаж. Работа над альманахом

приостановилась уже на этапе переговоров с издателями, когда окончательно стала понятна нецелесообразность проекта.

В § 2 («Эстетическая позиция Бестужева второй половины 1820-х гг.») предпринята попытка реконструировать эстетическую программу, которая могла быть заявлена в несостоявшемся «якутском» альманахе. В незавершенной статье «<О романтизме>» Бестужев пишет о том, что эмпирический опыт бессилён в познании истины и тайн мироздания, поэтому романтическая поэзия, в отличие от классицистической, должна не «отражать» природу и изображать материальный мир, а обращаться к сфере умозрительного, воображаемого. Другое важное положение статьи, вытекающее из противопоставления опыта и воображения, связано с соотношением формы и содержания в классицизме и романтизме: если для первого план выражения совпадает с планом содержания, то в романтизме мысль должна превышать объём выражения.

Бестужев не был автором выдвинутых в статье положений, а лишь суммировал некоторые общие места эстетических концепций конца XVIII – первой четверти XIX в., связанные со спорами о романтизме и классицизме. Есть основания предполагать, что при работе над отрывком «<О романтизме>» он пользовался материалами, опубликованными в «Московском телеграфе» и, возможно, в «Московском вестнике». Другим важным ориентиром для Бестужева стал в это время «Фауст» Гете, прочитанный им через призму собственных представлений о природе романтической поэзии. Результатом творческого переосмысления произведения Гете и размышлений о классицизме и романтизме стали поэтические тексты Бестужева, в первую очередь – стихотворение «Череп» (1828), эпиграф которого взят из «Фауста» (сцена «Ночь»). Сопоставление «Черепа» с одноимённым стихотворением Баратынского показывает полемическую направленность текста Бестужева. Развивая ту же тему, что и Баратынский, но следуя выдвинутым в статье «<О романтизме >» тезисам, он исключает из стихотворения все «эмпирические»,

«непоэтические» детали. Мысленный взор лирического героя Бестужева, в отличие от героя Баратынского, обращен только к тому, что в принципе не поддается чувственному описанию. Разделить такого рода устремление могли бы лишь избранные читатели.

Анализ замыслов и идей Бестужева второй половины 1820-х гг. обнаруживает некоторую внутреннюю противоречивость его творческих установок. С одной стороны, писатель, задумавший альманах, очевидно рассчитанный на широкий круг читателей, собирался идти по уже известному ему пути коммерческого успеха. От этого пути он не отказывался и позднее, позиционируя себя как писателя, ориентированного на публику и ее вкусы. С другой стороны, уже во второй половине 1820-х гг. Бестужев, противопоставляя себя писателям-современникам, размышлял над искусством иного рода. В 1830-е гг. колебание между установками на элитарного или массового читателя не исчезло, оно стало даже более выраженным.

Четвертая глава «Незавершенный роман “Вадимов” (1833–1834)» обращена к замыслу, пожалуй, наиболее важного для самого Бестужева произведения 1830-х гг. Как было отмечено Е. М. Пульхритудовой, в этом романе писатель пытался развить те представления о романтической поэзии, которые сформировались у него еще в якутской ссылке.

В § 1 («Творческая история романа. История публикаций») описана история замысла романа «Вадимов» и его дальнейшая судьба. Мысль о романе возникла у Бестужева еще в начале 1830-х гг. – уже тогда он противопоставлял этот жанр повести. 9 марта 1831 г. Бестужев писал А. М. Андрееву: «...иное дело повесть, иное роман. Мне кажется, краткость первой, не давая места развернуться описаниям, завязке и страстям, должна вцепляться в память остротами <...>. В романе можно быть без курбетов и прыжков: в нем занимательность последовательная из характеров, из положений»⁴.

В 1833 г. Бестужев приступил к написанию романа, но по независящим от автора причинам (недостаток материала и тяжелые жизненные обстоятельства)

4 Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб., 1995. С. 496.

работа оказалась непродолжительной и осталась незавершенной. До нас дошли лишь разрозненные и сюжетно не связанные между собой главы («Осада», «Свидание», «Журнал Вадимова», «Выстрел»), а также черновики этих отрывков⁵, в которых зафиксирован довольно ранний этап работы: сюжетная канва уже набросана, но текст пока свободен от характерных для Бестужева красочных метафор, описаний и подробностей.

При жизни автора была напечатана только одна из глав, «Осада». В 1839 г. на страницах «Отечественных записок» появился «Журнал Вадимова»; в том же году другие сохранившиеся главы вошли в последнюю, двенадцатую часть «Полного собрания сочинений А. Марлинского».

Некоторые сложности связаны с определением состава романа. Если атрибуция глав «Осада», «Журнал Вадимова» и «Свидание» сомнений не вызывала – хотя бы по той причине, что в каждой из них появляется один и тот же главный герой, то вопрос о главе «Выстрел», черновик которой записан не в тетрадях, как другие, а на отдельных листах, решался по-разному. В «Полном собрании сочинений А. Марлинского» эта глава не была включена в состав романа; позднее таким же образом поступили и архивисты, квалифицировав главу «Выстрел» как отдельное произведение, а не фрагмент романа. Но в подготовленном Ф. З. Кануновой научном издании текста «Вадимова» эта глава фигурирует в составе романа. Для такого решения действительно есть основания. Общим для «Выстрела» и несомненно «романной» главы «Осада» является сопоставление русско-турецкой кампании и Отечественной войны. Как показано в параграфе, все четыре главы входят в состав романа, ни одна из них не была отвергнутым вариантом, все они мыслились как части единого целого.

В следующих параграфах дан историко-литературный контекст конца 1820–начала 1830-х гг., который оказал влияние на представления Бестужева о жанре исторического романа.

В § 2 («Историософские взгляды Бестужева: между Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым») описаны историософские споры,

⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 7. Л. 27–39; 52–72; 90–106.

спровоцированные в 1829 г. выходом последнего тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Наиболее подробно рассмотрена написанная в 1829 г. для «Московского телеграфа» рецензия Н. А. Полевого, одного из главных корреспондентов Бестужева в 1830-е гг. и его литературного союзника. По мнению критика, «летопись» Карамзина не соответствует требованиям современной историографии, лучшие образцы которой созданы Ф. Гизо, А. Шлецером, И. Гердером, Б. Нибуром, О. Тьерри. Все внимание историка должно быть обращено ко всеобщей истории в ее связи с бесчисленным множеством историй отдельных народов, что позволяет обнаружить и описать универсальные законы, в соответствии с которыми развивается человечество. Новый взгляд на историографию Полевой пытался воплотить в собственной «Истории русского народа», в которой стремился представить историю России как часть европейской. Помимо рецензии Полевого в конце 1820-х гг. на страницах «Московского телеграфа» и «Московского вестника» появилось множество других оригинальных и переводных материалов, посвященных проблемам романтической историософии, обосновывающих новый взгляд на историографию.

Из личной переписки Бестужева становится понятно, что, несмотря на изоляцию, писатель был активно вовлечен в развернувшуюся полемику. Благодаря братьям Полевым он познакомился с трудами Нибура и Тьерри, высоко оценив их, с большим интересом и восхищением прочел «Историю русского народа» и безоговорочно принял позицию Полевого, хотя, как было упомянуто в первой главе, еще в начале 1820-х гг. сочувствовал Карамзину-историку.

В § 3 («Полемика вокруг “Петра Ивановича Выжигина” и споры об историческом романе начала 1830-х гг.») описан литературный контекст, в котором был задуман «Вадимов».

На рубеже 1820–1830-х гг., параллельно со спорами о романтизме и классицизме и о новых подходах к историографии велись споры о романе – жанре, которому в классицистических поэтиках отводилось самое незавидное место. В

рамках диссертации формирование русских представлений о жанре романа, подробно описанное Ю. В. Манном и В. Д. Морозовым, во всей полноте не представлено. По всей вероятности, многое из споров, возникших вокруг этого жанра, было Бестужеву или неизвестно вовсе, или известно только понаслышке, поэтому в данном параграфе основное внимание сосредоточено на том, что было ему хорошо знакомо – прежде всего на отзывах о нравоописательном историческом романе Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин». Это произведение в негативном контексте упомянуто в черновике романа «Вадимов» (глава «Осада»).

По мнению Н. А. Полевого, которое он высказал в разборе романа, опубликованном в № 6 «Московского телеграфа» за 1831 г., главная ошибка автора «Петра Ивановича Выжигина» состояла в том, что он попытался с одинаковой степенью подробности изобразить события Отечественной войны и похождения Петра Выжигина. По мысли критика, роман должен быть обращен или к «большой» истории, которая складывается из частных, «исчезающих в общем», или к частной истории вымышленных героев – и в таком случае «большая» история становится лишь фоном. В подобном же ключе высказался и Н. И. Надеждин, чья статья «П. И. Выжигин и Рославлев. Несколько замечаний» вышла в № 11 журнала «Телескоп» за 1831 г. Как и Полевой, он нашел неудачным совмещение исторической и неисторической линий. Однако, несмотря на внешнее сходство этих рецензий, обращение к другим статьям Полевого и Надеждина показывает, что критики совершенно не совпадали в одном очень важном пункте – в вопросе о том, можно ли вообще написать роман на материале русской истории.

Ответ на этот вопрос зависел от того, считать ли отечественную историю частью всеобщей. Если Полевой, автор *были* «Клятва при гробе господнем», не сомневался в том, что прошлое России является благодатным материалом для написания исторического романа, то его оппонент этой уверенности не разделял. Как и Полевой, Надеждин не был чужд идеи единства законов всемирной истории, но, по его мнению, Россия, чье историческое бытие началось только с

Петровской эпохи, пока не в состоянии вписаться в мировое поступательное движение истории, поэтому отечественная история обладает достаточным потенциалом для «исторических сцен», но не для романа.

Бестужев, скорее всего, хорошо знакомый с обеими точками зрения, занял особую позицию, расходясь не только с Надеждиным, но и с Полевым, что нашло отражение и в критических опытах, и в тексте «Вадимова». В отличие от Надеждина, писатель не сомневался ни в том, что история России является частью всеобщей, ни в возможности создать роман на материале отечественной истории. С Полевым же Бестужев не совпал в вопросе о соотношении в романе частной и «большой» историй. Если, по мнению Полевого, в историческом романе частности должны «исчезнуть в общем», то для Бестужева главным предметом романа (в том числе романа исторического) становится частный человек, не являющийся исторической личностью. Видимо, именно таким героем должен был стать Вадимов – преждевременно умерший поэт, вымышленный герой, переживающий личную любовную историю (глава «Свидание»).

И для Надеждина, и для Полевого история и роман были двумя разными способами воплощения прошлого. Бестужев предельно сближает их, полагая, что историография, как и художественный текст, создается при участии воображения. Уже это позволяет понять, что задуманный им собственный роман должен был принципиально отличаться от романа Полевого, который он сам называл «былью», подчеркивая верность повествования исторической правде. Для Бестужева в начале 1830-х гг., как и в первой половине 1820-х, история ценна не сама по себе, а лишь как материал, основа сюжета.

В последней части параграфа показано, как со временем менялось отношение Бестужева к романам Вальтера Скотта. Нет никаких сомнений в том, что в начале 1820-х гг. русский писатель, как и его современники, был очарован «сказками» шотландского романиста – но в начале 1830-х гг. вальтер-скоттовское изображение «домашнего быта» и «вседневного умарыцарских времен» едва ли казалось Бестужеву достойным исторического романа и романтической поэзии вообще.

§ 4. «Реконструкция сюжета романа “Вадимов”». Обращение к личной переписке Бестужева показало, что первоначально писатель планировал создать роман на материале древнерусской истории по типу «Кошечья бессмертного» А. Ф. Вельтмана, но вскоре отказался от этой мысли в пользу большей временной и пространственной многоплановости. В набросках «Вадимова» сопоставлены не только Отечественная и русско-турецкая войны. Современный мир соотнесен в них с Древней Индией времен Сакунталы: в «Журнале Вадимова» умирающий от чумы главный герой делится замыслом поэмы «Человечество», в которой он собирался описать жизнь дикаря, оказавшегося бессильным перед лицом стихии, тирана и чумы.

В работе выдвинуто предположение, что соотнося столь далекие эпохи, Бестужев хотел выдвинуть один из универсальных законов всеобщей истории, поиск которых, как было показано в § 2, стал главным предметом романтической историософии. Сопоставление отрывков из «Вадимова» с программной статьей, посвященной разбору «Клятвы при гробе господнем», позволяет утверждать, что собственный роман Бестужева мог стать своеобразной иллюстрацией такого закона, а именно, выработанной Бестужевым концепции *воли* и *судьбы*.

Как следует из разбора «Клятвы при гробе господнем», история человечества, с точки зрения Бестужева, делится на два этапа – дохристианскую эпоху *судьбы* и христианскую эпоху *воли*. Если удел человека первой эпохи – пассивное смирение перед миром во всех его проявлениях, то человек *воли* в состоянии активно противодействовать судьбе. Можно предположить, что образы Льва Вадимова и безымянного дикаря в его поэме «Человечество» соответствуют этим двум историческим формам взаимодействия человека с миром. В конечном счете, однако, оба героя приходят к одинаково трагическому финалу: ни бездействие, ни протест не помогают одержать победу в борьбе с роком, воплощением которого стала чума. Допустима, впрочем, и иная интерпретация незавершенного текста: возможно, обреченность чуме, наоборот,

должна была стать для Вадимова тем последним и тяжелейшим испытанием, в котором во всей полноте могла проявиться его воля. Такая интерпретация, как кажется, в большей степени соответствует авторской концепции, тем более, что роман, судя по некоторым подробностям замысла, мог содержать тираноборческие мотивы.

В § 5 («После “Вадимова”»: рассказ «Он был убит» (1834–1835)») описана повествовательная структура рассказа, который, по предположению Г. В. Прохорова, генетически связан с «Вадимовым». Действительно, на уровне композиции и сюжета между этими двумя текстами имеются определенные переклички. Но если роман предполагал повествование от третьего лица, то рассказ написан от первого лица; возможно, это различие отчасти предопределило судьбу «Вадимова», который так и не стал завершенным произведением. В «Он был убит» использована композиционная рамка, стилистически оформленная как своеобразное стихотворение в прозе. Фигурирующий в качестве автора этого текста рассказчик не только мотивирует переход повествования к дневнику погибшего поэта, но и проясняет неочевидные внутренние связи между отдельными его частями. В «Вадимове» нет подобной повествовательной инстанции, которая могла бы внутренне объединить отдельные и сюжетно между собой не связанные главы. Сохранившийся текст распадается на самостоятельные фрагменты, больше напоминающие не роман, а отрывки из философского трактата.

В Заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения и издания писем Бестужева.

Приложение «История издания “Русских повестей и рассказов”» посвящено истории подготовки первого собрания сочинений автора, реконструированной по письмам Бестужева и другим архивным документам. Судьба этого издания тесно связана с обстоятельствами сотрудничества Бестужева в «Сыне отечества и Северном архиве».

Основные положения диссертации отражены в следующих

публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

- 1) *Полякова А. А.* Роман А. А. Бестужева-Марлинского «Вадимов» и миф о войне 1812 года // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2. Ч. 2. С. 264–267.
- 2) *Полякова А. А.* «Люди» и «скоты» в ковчеге Александра Бестужева : (Об эпиграмме А. С. Пушкина «Напрасно ахнула Европа...») // Русская литература. 2018. № 2. С. 166–171.
- 3) *Полякова А. А.* Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева // Русская литература. 2019. № 2. С. 68–78.
- 4) *Полякова А. А.* «Якутский» альманах А. А. Бестужева как финансовый проект (1829) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2019. № 16 (1). С. 115–126.

Другие публикации:

- 5) *Полякова А. А.* О потенциале интертекстуального анализа: Опыт реконструкции сюжета незавершенного романа А. А. Бестужева «<Вадимов>» // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: Сборник научных статей / Под ред. А. Д. Степанова и А. А. Карпова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2018. С. 157–168.
- 6) *Полякова А. А.* А. А. Бестужев – читатель И. В. Гёте: к интерпретации стихотворения «Череп» (1828) // Текстология и историко-литературный процесс: сборник статей VIII Международной конференции молодых исследователей. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Буки веди», 2020. С. 18–35.